

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615

EDN: MСYIRR

Научная статья / Research article

Стратегии миротворчества и роль Руанды в конфликте в Демократической Республике Конго

С.А. Бокерия¹ , М. Махапа¹ , А. Киамба² ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Университет Найроби, Найроби, Кения bokeria-sa@rudn.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения роли и места Руанды во внутривосточном конфликте в Демократической Республике Конго (ДРК) с целью дальнейшего повышения эффективности миротворческих усилий в условиях ресурсных и этнических конфликтов. Выявлена роль Руанды в конфликте в ДРК и влияние политики, проводимой руандийским правительством, на миротворческие усилия по урегулированию этого конфликта. Рассматриваются стратегии, используемые Руандой в ДРК, включая поддержку вооруженных повстанческих групп и нелегальную добычу природных ископаемых, и воздействие этих стратегий на динамику конфликта. Подчеркивается необходимость международного вмешательства и сотрудничества для решения сложной динамики конфликта в ДРК, а также содействия активизации миротворческих усилий различных сторон. Несмотря на многочисленные миротворческие инициативы со времен Второй конголезской войны, направленные на улучшение отношений между ДРК и Руандой, напряженность продолжает нарастать. Основные выводы исследования заключаются в том, что Руанда участвует в продолжении конфликта в ДРК, используя внутривосточную нестабильность в последней для разграбления конголезских ресурсов, а также выступая в качестве канала контрабанды ресурсов ДРК, предназначенных для стран Азии, Ближнего Востока и Запада. Авторы приходят к выводу, что конфликт следует урегулировать дипломатическими методами с участием ведущих международных акторов и с привлечением Африканского союза (АС). В работе применяется комплексный подход к рассматриваемым процессам и явлениям, используется принцип критической оценки информации. Теоретико-методологической базой исследования послужил наступательный реализм, учитывающий стремление государств в первую очередь решать вопросы своей национальной безопасности, в том числе и во вред своим партнерским отношениям с другими международными акторами.

Ключевые слова: миротворчество, руандофоны, интерахамве, Движение 23 марта, М23, ирредентизм

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01195, <https://rscf.ru/project/23-28-01195/>.

© Бокерия С.А., Махапа М., Киамба А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Бокерия С. А., Махана М., Киамба А. Стратегии миротворчества и роль Руанды в конфликте в Демократической Республике Конго // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 606–615. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615>

Peacekeeping Strategies and the Role of Rwanda in the Conflict in the Democratic Republic of the Congo

Svetlana A. Bokeriya¹ , Manasa Mahapa¹ , Anita Kiamba²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²University of Nairobi, Nairobi, Kenya

bokeria-sa@rudn.ru

Abstract. The relevance of the research topic stems from the need to examine the role and place of Rwanda in the internal political conflict in the Democratic Republic of the Congo (DRC) to further improve the effectiveness of peacekeeping efforts in resource and ethnic conflicts. The article aims to identify Rwanda's role in the ongoing conflict in the DRC and to evaluate the extent to which its actions have impeded the effectiveness of peacekeeping efforts in the country. The study examines the strategies used by Rwanda in the DRC, including support for armed rebel groups, illegal mining of natural resources, and their impact on the dynamics of the conflict. The authors conclude by emphasizing the need for international intervention and cooperation to address the complex conflict dynamics in the DRC, as well as to help boost peacekeeping efforts of the various parties. Despite the implementation of numerous peacekeeping initiatives since the Second Congolese War to improve relations between the DRC and Rwanda, tensions continue to rise. The principal findings of the study are that Rwanda is involved in the DRC's continued conflict and exploiting the latter's internal political instability to plunder Congolese resources, as well as acting as a conduit for the smuggling of the DRC resources destined for Asian, Middle Eastern and Western countries. In conclusion, the authors posit that the conflict should be resolved through diplomatic methods involving the great powers and the African Union (AU). The paper employs a comprehensive approach to the processes and phenomena under consideration and uses the principle of critical evaluation of information. The theoretical and methodological basis of the research is offensive realism, which takes into account the desire of states to solve their national security issues first and foremost, even at the expense of their partnership relations with other international actors.

Key words: peacekeeping, Rwandophones, Interahamwe, March 23 Movement, M23, irredentism

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01195, <https://rscf.ru/project/23-28-01195/>.

For citation: Bokeriya, S. A., Mahapa, M., & Kiamba, A. (2024). Peacekeeping strategies and the role of Rwanda in the conflict in the Democratic Republic of the Congo. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 606–615. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615>

Введение

Демократическая Республика Конго (ДРК) — страна, охваченная длительным конфликтом (Винокуров, 2003; Точигин, 2021; Денисова, Костелянец, 2023), который сопровождается массовыми перемещениями населения, жестоким насилием и беспрецедентным разграблением ресурсов. Непрекращающийся кризис является предметом долгих споров,

и исследователи выдвигают множество теорий о том, почему он приобрел хронический характер (Сидорова, 2013, 2014; Cassimon, Engelen & Reyntjens, 2013; Mathys, 2017; Müller-Crepon, Hunziker & Cederman, 2021).

Некоторые исследователи утверждают, что Руанда сыграла значительную роль в затягивании этого конфликта (Костелянец, Денисова, 2023; Ntanyoma & Hintjens, 2022). Считается, что Руанда руководствуется рядом

причин, среди которых можно выделить стремление обеспечить стабильность в регионе Великих озер, защиту экономических интересов, намерение вернуть восточные провинции ДРК, которые когда-то были частью Руанды, и др.

Руанда была связана с конфликтом в ДРК в конце 1990-х — начале 2000-х гг. В 1990-е гг. Руанда наряду с Угандой поддерживала конголезские повстанческие группировки в Заире¹, чтобы бороться с присутствием ополчений хуту, таких как интерахамве, которые несли ответственность за геноцид 1994 г. и нашли убежище в Заире (Wako et al., 2015). После войн 1990-х гг. Руанда вывела войска из Конго в 2002 г. Тем не менее, по словам ряда исследователей (Saltnes, 2017), Руанда продолжает проецировать свои военные, политические и экономические интересы на соседнее государство, используя вооруженные группировки в качестве прокси, одной из которых является «Движение 23 марта» (М23).

Организация Объединенных Наций (ООН), Африканский союз (АС) и различные региональные экономические сообщества в разное время пытались помочь установить мир в этой стране с помощью операций по поддержанию мира. Первая подобная операция была развернута еще в 1960–1964 гг. (*United Nations Operation in the Congo*) в ответ на угрозу начала гражданской войны в Конго (Бокерия, Худайкулова, 2023, с. 439). Несмотря на эти усилия, конфликт в ДРК становился все более интенсивным.

В этой связи актуальной выглядит цель исследования, которая заключается в выявлении роли Руанды в процессе урегулирования конфликта на территории восточных провинций ДРК. Теоретическим фундаментом исследования выступает наступательный реализм, в рамках которого государства стремятся выжить в анархичной среде международных отношений, постоянно увеличивая свой потенциал и мощь. Данные теоретические рамки позволяют объяснить причины вмешательства Руанды во внутренние дела ДРК опасениями по поводу угроз безопасности, исходящих с территории этой страны.

¹ Заир — название Демократической Республики Конго с 27 октября 1971 г. по 17 мая 1997 г.

В статье рассмотрены исторический контекст конфликта, спорные вопросы, которые помогают понять, как миротворческие усилия сдерживаются такими факторами, как этничность, ирредентизм, экономические интересы, а также проблемы безопасности, которые в совокупности способствуют вовлечению Руанды во внутренние дела ДРК.

Исторический контекст конфликта

До геноцида 1994 г. насильственные конфликты в восточной части ДРК ограничивались в основном местным уровнем. Только с миграцией в Конго беженцев-хуту из Руанды локальные конфликты приобрели региональный масштаб (Mathys, 2017). Беженцы-хуту, которые были преимущественно ополченцами-интерахамве, при попустительстве режима Сесе Секо Мобуту начали организовывать трансграничные рейды в Руанду, что дало Руанде повод для вторжения в Заир (Reyntjens, 2009).

Важно отметить, что конголезские тутси и хуту часто считаются «чужаками» в ДРК, хотя многие из них давно проживают на территории этого государства. Миграция многих руандофонов в ДРК проходила многочисленными волнами на протяжении нескольких сотен лет, но многие из них прибыли после геноцида 1994 г. в Руанде (Ntanyoma & Hintjens, 2022). Несмотря на то, что руандофоны занимали влиятельные посты в правительстве и бизнесе, в тогдашнем Заире они сталкивались с предрассудками и дискриминацией, особенно в отношении гражданства и прав на землю. В результате дискурсы насилия в Конго начиная с 1996 г. стали глубоко этнизированными (Ceuppens & Geschiere, 2005).

В 1996 г. руандийские войска вторглись на территорию Заира и напали на лагеря хуту, где предположительно размещались ополченцы-интерахамве и политики, ответственные за планирование и осуществление геноцида 1994 г. Кроме того, в 1997 г. правительство Руанды помогло оппозиционному политику Л.-Д. Кабиле объединить несколько конголезских группировок, выступавших против С.С. Мобуту, в одну боевую организацию под названием Альянс демократических сил за освобождение Конго (*Alliance des Forces*

Démocratiques pour la Libération du Congo, АДСЗОК). АДСЗОК при помощи Руандийской патриотической армии (РПА) сверг С.С. Мобуту в мае 1997 г. Этот период стал известен как Первая конголезская война².

Л.-Д. Кабила стал новым главой государства. При нем ДРК вступила в Сообщество развития Юга Африки (*Southern African Development Community*, САДК) (Pottier, 2002). Однако в скором времени отношения Л.-Д. Кабилы и тутси ухудшились. Во-первых, повстанцы обвинили его в том, что он нарушил свое обещание передать провинцию Киву конголезским тутси (баньямуленге). Во-вторых, в 1998 г. Л.-Д. Кабила начал вытеснять из своего правительства всех руандофонов (баньяруанда) и приказал высокопоставленным руандийским офицерам, прикомандированным к конголезской армии, вернуться в свою страну. Все это спровоцировало антиправительственный мятеж 2 августа 1998 г., во главе которого стояли офицеры-тутси. В дальнейшем при поддержке Руанды и Уганды было создано Конголезское объединение за демократию (*Rassemblement congolais pour la démocratie*, КОД), ставшее основной антиправительственной силой в ДРК. Конголезское правительство, в свою очередь, обратилось за помощью к САДК, и в страну были направлены воинские контингенты Анголы, Зимбабве и Намибии. Так началась Вторая конголезская война, более известная как «Великая африканская» (Prunier, 2009). Основные боевые действия были завершены с подписанием Лусакского соглашения о прекращении огня 10 июля 1999 г.

Новое обострение конфликта произошло в 2006–2012 гг. в результате сложностей процесса интеграции руандоязычных ополченцев, не все из которых хотели возвращаться в Руанду. Многие из них решили остаться в провинции Северное Киву, где при поддержке Руанды сформировали Национальный конгресс в защиту народа (*Congrès national pour la défense des peuples*, НКЗН) под руководством бывшего командира сил КОД Л. Нкунды. Одной из задач, декларируемых НКЗН, была

защита местных тутси от деятельности повстанческих структур хуту, например Демократических сил освобождения Руанды (*Forces Démocratiques de Libération du Rwanda*, ДСОР). В январе 2009 г. ДРК и Руанда достигли соглашения, по которому подразумевалась интеграция бойцов НКЗН в Вооруженные Силы (ВС) ДРК, однако попытка Киншасы ослабить боевиков НКЗН привела к срыву этого процесса и разделению группировки к 2012 г. (Mathys, 2017). В итоге часть членов НКЗН во главе с генералом Боско Нтагандой сформировали М23.

Вооруженная группировка М23 быстро захватила территорию в Северном Киву, включая столицу провинции город Гома, граничащий с Руандой. В последующие месяцы насилие со стороны М23 продолжалось вокруг Гомы, особенно на территориях Рутшуру и Ньирагонго. В 2012–2013 гг. М23 участвовала в более чем 20 % всех случаях политического насилия в ДРК, зарегистрированных в системе *Armed Conflict Location and Event Data* (ACLED), став самой активной негосударственной вооруженной группой в стране в это время³. В результате наступление ВС ДРК и бригады оперативного вмешательства Миссии ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго (МООНСДРК) в ноябре 2013 г. вынудило силы М23 отступить.

После поражения М23 политическое насилие с участием боевиков пошло на спад. Однако в конце 2021 г. М23 вновь выступила в качестве участника конфликта. На фоне многочисленных конфликтов в ДРК М23 стала второй по активности негосударственной вооруженной группой в 2022 г., уступив Альянсу демократических сил (*Forces démocratiques alliées*, АДС), и самой активной негосударственной вооруженной группой в Северном Киву⁴.

ООН, иностранные правительства и правозащитные группы связывают предыдущие

³ Rwanda-Backed M23 Rebels Advance Towards Goma in Eastern DR Congo // ACLED Brief. March 4, 2024. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/acled-brief-rwanda-backed-m23-rebels-advance-toward-goma-eastern-dr-congo> (accessed: 21.07.2024).

⁴ Actor Profile: The March 23 Movement (M23) // ACLED. March 23, 2023. URL: <https://acleddata.com/2023/03/23/actor-profile-m23-drc/> (accessed: 10.06.2024).

² Curtis M. Raison d'État Unleashed: Understanding Rwanda's Foreign Policy in the Democratic Republic of the Congo // *Strategic Insights*. 2005. Vol. 4, no. 7. P. 1–15.

наступательные операции (Stearns, 2012) и возрождение М23 в 2021 г. с поддержкой, оказанной Руандой. Таким образом, М23 рассматривается в ДРК как посредник руандийского вторжения и как прикрытие для добычи конголезских полезных ископаемых и других ресурсов (Reyntjens, 2009).

Этническая принадлежность и конфликт в Восточной ДРК

Этнические конфликты всегда представляли собой огромную проблему для урегулирования в рамках миротворческих операций по причине нарастающей ненависти между враждующими сторонами. В ходе текущего конфликта в восточной части ДРК гражданское население стало объектом «экспрессивного» и «асимметричного» насилия, которое основывается на приписываемой этнической, расовой или племенной идентичности, учитывая, что в стране насчитывается более 250 разрозненных этнических групп (Ntanyoma & Hintjens, 2022). Термин «экспрессивное» подразумевает дискурсивный, символический, ритуальный и в целом инструментальный характер насилия, целью которого является причинение сильной боли, а также уничтожение символов противника с упором на идентичность и конфессионализм (Kalyvas, 2006). Конфликт в ДРК был отмечен насилием, вдохновленным «расовыми» нарративами, где политика идентичности вокруг «расы» используется для узаконивания «экспрессивного» насилия против «хамитских» или тутсийских меньшинств (Ntanyoma & Hintjens, 2022). Использование такого нарратива послужило причиной вмешательства Руанды в дела ДРК под предлогом преследования виновных в геноциде 1994 г., а также защиты конголезских тутси от виктимизации со стороны правительства.

Следует отметить, что история доколониальной Африки характеризовалась перемещениями населения, вызванными различными причинами, среди которых были голод, войны, поиски пастбищ или плодородных сельскохозяйственных земель. Так произошло и с баньяруанда, часть которых мигрировала в восточную часть Конго. В итоге регион Киву, находящийся на востоке ДРК, стал

домом для десятков этнических групп. Некоторые из них говорили на киньяруанда (язык народа руанда), и поэтому их называют «руандофонами». Этот факт, а также существование по ту сторону границы ДРК этнических групп, также говорящих на киньяруанда, по мнению Р. Лемаршана, является одной из причин того, что другие конголезцы воспринимают их как иностранцев⁵. Поэтому, стремясь подчеркнуть свою эндемичность, конголезские общины, говорящие на киньяруанда, используют для идентификации топонимы, такие как, например, баньябвиша, баньямасиси или баньямуленге⁶.

Миграции баньяруанда не были проблемой до 1959 г. (Ntanyoma & Hintjens, 2022), когда в Руанде, подконтрольной Бельгии, началась революция. Большинство населения в лице хуту восстали против тутси, которые при поддержке бельгийцев сосредоточили в своих руках всю полноту политической и социально-экономической власти в стране. Это запустило процесс оттока тутси на территорию Заира. После событий 1994 г., когда к власти в Руанде пришел П. Кагаме, ситуация изменилась, и уже хуту массово мигрировали в ДРК, что привело к вовлечению Руанды в конголезские войны под предлогом преследования беглых хуту⁷. После окончания Второй конголезской войны Руанда продолжает сталкиваться с обвинениями во вмешательстве в дела ДРК в попытке поддержать руандофонов, которые, по мнению Кигали, становятся жертвами конголезцев, в результате чего этот конфликт приобретает этническое измерение.

Дополнительным подтверждением того, что фактор этнической принадлежности играет огромную роль в кризисе в ДРК, являются конфликты между повстанцами М23, поддерживаемыми тутси, ополченцами «Вазалендо» («Патриоты»), говорящими на кисуахили, а также ополченцами ДСОР, в которых доминируют хуту.

⁵ Lemarchand R. Exclusion, Marginalization, and Political Mobilization: The Road to Hell in the Great Lakes // Centre of African Studies University of Copenhagen Occasional Paper. March 2000. URL: https://teol.ku.dk/cas/publications/publications/occ_papers/lemarchand20012.pdf (accessed: 10.06.2024).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

Ирредентизм и безопасность

Концепция ирредентизма, как отмечает Н. Чазан, подразумевает возвращение территорий, культурно или исторически связанных с каким-либо государством или нацией (*Irredentism and International Politics*, 1991). В Руанде считается, что когда-то часть восточных районов ДРК принадлежала руандийскому государству (Mathys, 2017). Это предположение о существовании «Великой Руанды» основано на том, что пришедшие европейские колонизаторы навязали руандийцам искусственные границы, которые разделили некогда единую однородную группу баньяруанда. Однако такой подход приводит к тому, что, во-первых, различные культурные группы, говорящие на киньяруанда, рассматриваются как однородная группа, а различия между ними игнорируются, а во-вторых — право на какую-либо территорию обосновывается исходя из исторического опыта контроля над ней (Ntanyoma & Hintjens, 2022).

Эта идея часто продвигается в публичных выступлениях в Руанде и активно пропагандируется в руандийских государственных СМИ. Одним из наиболее показательных примеров стало выступление президента Руанды в 1994–2000 гг. Пастёра Бизимунгу 3 октября 1996 г., в разгар восстания баньямуленге в Заире (Newbury, 1997). Он заявил, что границы доколониального Руандийского королевства были перекроены колониальными державами. Хотя он и не сказал об этом прямо, утверждение о том, что без колониального правления бо́льшая часть Восточного Конго принадлежала бы Руанде, как представляется, было способом узаконить первые шаги участия Руанды в конголезской войне. П. Бизимунгу, основываясь на работе руандийского историка Алексиса Кагаме, подкрепил свои утверждения картами доколониального Королевства Руанда, показывающими, что его границы включали в себя восточные части ДРК вплоть до оз. Эдуард (Newbury, 1997).

Одним из подтверждений использования идей ирредентизма во внешнеполитической деятельности Руанды на конголезском направлении является ее поддержка как М23

в 2012 и 2013 гг., так и повстанцев из НКЗН ранее⁸. Именно благодаря Руанде М23 превратилась в хорошо вооруженную и подготовленную группировку, что подтверждается и докладом группы экспертов ООН, опубликованным в декабре 2023 г.⁹ За прошедшие годы М23 установила альтернативный административный контроль на захваченных территориях в Северном Киву. В настоящее время повстанцы контролируют стратегический пограничный пункт Бунагана, ведущий в Уганду, собирают налоги и устанавливают вооруженные блокпосты, чтобы получать доходы для финансирования своих операций.

Помимо идеи о восстановлении исторической Руанды Кигали также использует дискурс обеспечения безопасности для объяснения своей активности в ДРК. В качестве основной угрозы выделяется присутствие в восточной части ДРК вооруженных группировок, например ДСОР. Интересно, что президент Руанды П. Кагаме в эксклюзивном интервью *Jeune Afrique* 25 марта 2024 г. признал, что руандийские войска находятся на территории ДРК из соображений безопасности¹⁰. Из его наблюдения ясно, что участие Руанды в ДРК мотивировано необходимостью обезопасить границы страны, а также защитить этнических тутси, которые подвергаются виктимизации со стороны конголезцев.

Таким образом, можно сделать вывод, что ирредентизм и проблемы безопасности являются одними из движущих сил участия Руанды в конфликте в ДРК.

⁸ Rwanda-Backed M23 Rebels Advance Towards Goma in Eastern DR Congo // ACLED Brief. March 4, 2024. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/acled-brief-rwanda-backed-m23-rebels-advance-toward-goma-eastern-dr-congo> (accessed: 21.07.2024).

⁹ Midterm Report of the Group of Experts on the Democratic Republic of the Congo // UN Documents. December 30, 2023. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/acled-brief-rwanda-backed-m23-rebels-advance-toward-goma-eastern-dr-congo> (accessed: 21.07.2024).

¹⁰ Paul Kagame: «Tshisekedi est capable de tout, sauf de mesurer les conséquences de ce qu'il dit» // Jeune Afrique. 25 mars 2024. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1548551/politique/paul-kagame-tshisekedi-est-capable-de-tout-sauf-de-mesurer-les-consequences-de-ce-quil-dit/> (accessed: 21.07.2024).

Экономические интересы

ДРК богата природными ресурсами, включая такие минералы, как колтан (колумбит-танталит), олово, кобальт, алмазы, золото и др. Поэтому участие Руанды в боевых действиях в ДРК можно рассматривать с точки зрения установления контроля над восточными районами, являющимися средоточием месторождений ресурсов, с целью получения экономической выгоды от незаконной торговли минералами. Следует отметить, что в 2021 г. Руанда была крупнейшим в мире производителем колтана и вторым по величине экспортером золота (Dusengemungu, Zhou & Liu, 2023). Чтобы подтвердить или опровергнуть это утверждение, важно сравнить наличие месторождений полезных ископаемых в этой стране и уровень их добычи.

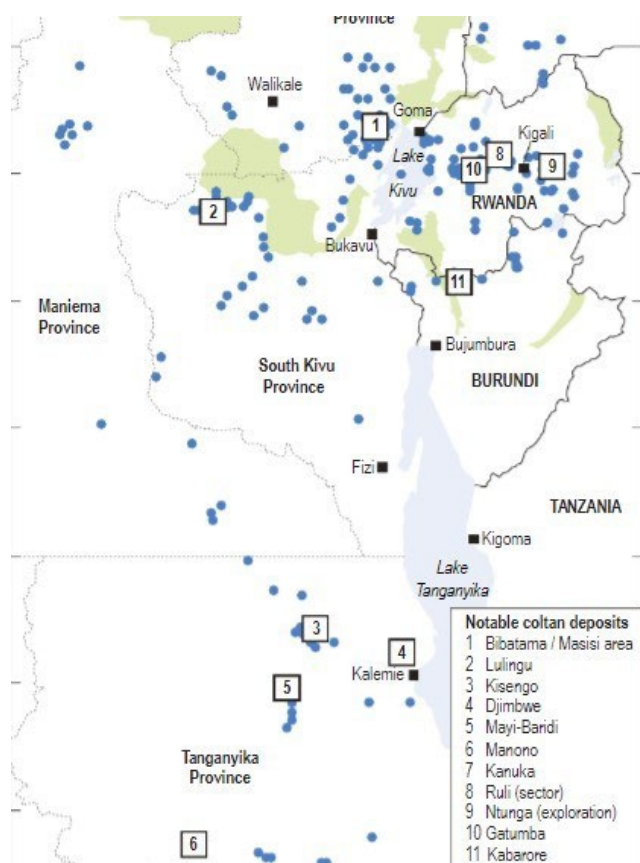

Рис. 1. Расположение зарегистрированных колтановых и колтан-касситеритовых рудников в районе Великих озер
 Источник: (Schütte & Näher, 2020).

На рис. 1 показано распределение районов добычи колтана в ДРК, Руанде, Уганде и

Бурунди (район Великих озер). На карте хорошо видно, что основная часть месторождений колтана находится в ДРК. Это заставляет авторов задаться вопросом, как Руанда, страна с таким малым количеством месторождений, может стать крупнейшим производителем колтана. Единственный логический вывод и обоснованная догадка — большая часть колтана доставляется в Руанду нелегальным путем из ДРК.

Таблица 1
Доходы Руанды от экспорта полезных ископаемых в 2023 г.

Минерал	Количество зарегистрированных компаний	Производство, кг	Общая выручка, долл. США
Касситерит	41	1 144 440	18 813 001
Колтан	44	587 015	27 814 838
Вольфрам	38	635 435	8 488 659
Золото	17	4 696	302 692 884
Драгоценные камни и др.	66	4 267 237	4 559 461

Источник: Rwanda’s Mineral Export Earnings Surge in 2023 // Rwanda Mines, Petroleum and Gas Board. February 15, 2024. URL: <https://www.rmb.gov.rw/index.php?eID=dumpFile&t=f&f=92836&token=ad4c57d124c59df2bb683f73b7f0658a3dbd263d> (accessed: 27.07.2024); Mining Sector // Rwanda Development Board. 2024. URL: <https://rdb.rw/export/export/products-directory/mining-sector/> (accessed: 27.07.2024).

В 2023 г. Совет по горнодобывающей, нефтяной и газовой промышленности Руанды опубликовал данные о добыче полезных ископаемых и количестве зарегистрированных компаний, занимающихся их обогащением (табл. 1).

Если сопоставить количество перерабатывающих компаний с количеством месторождений, как показано на рис. 1, становится очевидно, что цифры не совпадают. Возникает вопрос: откуда берется руда на всех этих предприятиях по переработке полезных ископаемых, указанных в табл. 1? Можно предположить, что огромные объемы руды могут поступать из ДРК, и это предположение подтверждается многочисленными отчетами Совета Безопасности ООН за 2001 и 2002 гг.¹¹

¹¹ См.: Report of the Panel of Experts on the Illegal Exploitation of Natural Resources and Other Forms of

Таблица 2

Доходы Руанды от экспорта минерального сырья в 2017–2023 гг.

Год	Выручка, млн долл. США
2017	373,4
2018	346,6
2019	314
2020	733
2021	516,2
2022	772,5
2023	1000,1

Источник: Rwanda's Mineral Export Revenues Soar, Fueled by Research and Innovation // IGIHE. November 29, 2023. URL: <https://en.igihe.com/news/article/rwanda-s-mineral-export-revenues-soar-fueled-by-research-and-innovation> (accessed: 27.07.2024); Rwanda's Mineral Export Earnings Surge in 2023 // Rwanda Mines, Petroleum and Gas Board. February 15, 2024. URL: <https://www.rmb.gov.rw/index.php?eID=dumpFile&t=f&f=92836&token=ad4c57d124c59df2bb683f73b7f0658a3bd263d> (accessed: 27.07.2024).

Учитывая вышеупомянутые факты, а также то, что добытые нелегальным путем ресурсы создают несколько стимулов для вмешательства третьих сторон в гражданскую войну из-за их ценности и относительной легкости доступа (Findley & Marineau, 2015), рост экспорта минералов в Руанде может быть результатом активизации наступательных операций M23 в Северном Киву.

Заключение

В заключение следует отметить, что участие Руанды — как прямое, так и косвенное — сыграло значительную роль в определении траектории конфликта. Ее вмешательство, которое нередко объясняется стремлением защитить свою национальную безопасность и стабилизировать регион, вызвало обеспокоенность по поводу суверенитета и возможности усиления региональной напряженности, но также сыграло решающую роль в сдерживании экспансии вооруженных групп и сокращении числа человеческих жертв конфликта.

Несмотря на эти усилия, более широкие международные миротворческие инициативы,

URL: <https://african-online-publishing.com/2024/03/28/president-kagame-admits-to-allowing-congos-wealth-to-be-stolen-by-the-west-through-rwanda/> (accessed: 11.08.2024).

Кроме того, данные о доходах от экспорта полезных ископаемых, полученные от Совета по горнодобывающей промышленности, нефти и газу Руанды, указывают на увеличение экспорта полезных ископаемых в период с 2017 по 2023 г. (табл. 2).

Цифры, приведенные в табл. 1 и 2, отражают тенденцию роста доходов и количества добытых минералов, экспортируемых Руандой. Минералы стали важным источником пополнения бюджета для Руанды, что привело к положительным экономическим изменениям в стране (Dusengemungu, Zhou & Liu, 2023). Чтобы опровергнуть мнение о том, что экспортируемые Руандой полезные ископаемые добываются в ДРК (Findley & Marineau, 2015), правительство утверждает, что ресурсы можно отследить с помощью системы маркировки, которая в настоящее время принята покупателями минералов на этапе их переработки¹². Вместе с тем П. Кагаме, выступая перед журналистами 22 марта 2024 г., признался, что Руанда является транзитным центром для контрабанды добытых на территории ДРК минералов, и обвинил международное сообщество в поощрении подобной нелегальной деятельности, назвав такие страны, как Объединенные Арабские Эмираты, Бельгию и Израиль. Он заявил, что «большинство из них [минералов из ДРК] направляется далее, а не остается здесь. Они идут в Дубай, в Брюссель...»¹³.

Wealth of the Democratic Republic of the Congo S/2001/357. Adopted by UN Security Council on April 12, 2001 // UN Documents. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n01/323/54/pdf/n0132354.pdf> (accessed: 16.08.2024); Final Report of the Panel of Experts on the illegal exploitation of natural resources and other forms of wealth of the Democratic Republic of the Congo S/2002/1146. Adopted by UN Security Council on October 16, 2002 // UN Documents. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/DRC%20S%202002%201146.pdf> (accessed: 16.08.2024).

¹² Rwanda. A Lithium-Tantalum-Tin-Tungsten Destination: The 3T's // Aterian PLC. 2024. URL: <https://aterianplc.com/projects/rwanda/> (accessed: 16.08.2024).

¹³ President Kagame Admits to Allowing Congo's Wealth to Be Stolen by the West Through Rwanda // African Online Publishing. March 22, 2024.

включая МООНСДРК, сталкиваются с трудностями в достижении прочного мира из-за таких проблем, как противостояние различных этнических групп, в которое вовлечены вооруженные группировки. Участие Руанды подчеркивает сложный баланс, необходимый в операциях по поддержанию мира, где региональные участники, международные организации и местные этнические группы должны сотрудничать для устранения коренных причин насилия, обеспечивая при этом устойчивый мир посредством диалога.

Однако, учитывая такие факторы, как этнические проблемы, экономические интересы, интересы безопасности, ирредентизм и многое другое, наибольший вклад в затягивание конфликта в ДРК вносит Руанда. Ее повестка дня, рассмотренная в данной статье, включает в себя все вышеперечисленные проблемы.

По мнению авторов статьи, международное сообщество должно прекратить закрывать глаза на африканские проблемы, а также перестать использовать малые государства континента в качестве своих прокси, чтобы получить доступ к африканским ресурсам. Африканцы же, в свою очередь, должны объединиться с целью разработки и добычи полезных ископаемых (колтан и др.), чтобы

направить полученные доходы на развитие своих экономик.

Другие страны континента должны последовать принципу «Африканским проблемам — африканское решение». Лидеры государств Африки должны использовать сочетание различных подходов в урегулировании кризиса в ДРК. Целесообразно провести большую африканскую встречу под руководством Коллегии мудрецов АС, возглавляемой бывшим президентом ЮАР Т. Мбеки. В эту команду должны войти уважаемые традиционные лидеры ДРК, стран САДК, Экономического сообщества государств Центральной Африки, Экономического сообщества стран Великих озер и Восточноафриканского сообщества. Целью этой большой встречи будет объединение усилий региональных экономических сообществ в ДРК для пресечения грабежа и контрабанды африканских ресурсов в целом и ресурсов ДРК в частности через свои границы путем пересмотра и синхронизации трансграничной миграции. Дипломатические усилия африканских лидеров по решению данной проблемы должны быть реализованы в части обеспечения интеграции тутси, проживающих в Восточном Конго, в общество как полноправных граждан ДРК. В то же время Руанда должна полностью простить хуту, которые участвовали в геноциде 1994 г.

Поступила в редакцию / Received: 13.04.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 25.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Бокерия С. А., Худайкулова А. В. Миротворчество ООН в Африке: характер, масштабы и развитие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 435–450. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-435-450>; EDN: FSUGUV
- Винокуров Ю. Н. Демократическая Республика Конго. Власть и оппозиция. Москва : Восточная литература, 2003.
- Денисова Т. С., Костелянец С. В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 37–47. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47>; EDN: UUQCLB
- Костелянец С. В., Денисова Т. С. Демократическая Республика Конго: распространение исламского радикализма // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 3. С. 149–161. <https://doi.org/10.31857/S086919080024138-8>; EDN: KUGHRR
- Сидорова Г. М. Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго. Москва : Восточная литература, 2013.
- Сидорова Г. М. Кто виноват в нестабильности Демократической Республики Конго? // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6. С. 29–36. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-29-36>; EDN: TFANFR

- Точигин М. Ю. О внутривосточной ситуации в Демократической Республике Конго и перспективах миссии ООН (МООНСДРК) // Ученые записки Института Африки РАН. 2021. № 1. С. 46–51. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2021-54-1-46-51>; EDN: KVTHVT
- Cassimon D., Engelen P. J., Reyntjens F. Rwanda's Involvement in Eastern DRC: A Criminal Real Options Approach // *Crime, Law and Social Change*. 2013. Vol. 59. P. 39–62. <https://doi.org/10.1007/s10611-012-9397-7>
- Ceuppens B., Geschiere P. Autochthony: Local or Global? New Modes in the Struggle Over Citizenship and Belonging in Africa and Europe // *Annual Review of Anthropology*. 2005. Vol. 34. P. 385–407. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.34.081804.120354>
- Dusengemungu D. R., Zhou Zhifang, Liu Jinhao. Overview of Mineral Reserves Availability in Rwanda: Opportunities and Challenges // *Environment, Development and Sustainability*. 2023. Vol. 25, no. 10. P. 10599–10626. <https://doi.org/10.1007/s10668-022-02548-4>
- Findley M. G., Marineau J. F. Lutable Resources and Third-Party Intervention into Civil Wars // *Conflict Management and Peace Science*. 2015. Vol. 32, no. 5. P. 465–486. <https://doi.org/10.1177/0738894214530828>
- Irredentism and International Politics / ed. by N. Chazan. Boulder, CO: Adamantine Press, 1991. <https://doi.org/10.1515/9781685855888>
- Kalyvas S. N. *The Logic of Violence in Civil War*. New York: Cambridge University Press, 2006. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511818462>
- Mathys G. Brining History Back in: Past, Present, and Conflict in Rwanda and the Eastern Democratic Republic of Congo // *The Journal of African History*. 2017. Vol. 58, no. 3. P. 465–487. <https://doi.org/10.1017/S0021853717000391>
- Müller-Crepon C., Hunziker P., Cederman L.-E. Roads to Rule, Roads to Rebel: Relational State Capacity and Conflict in Africa // *Journal of Conflict Resolution*. 2021. Vol. 65, no. 2–3. P. 563–590. <https://doi.org/10.1177/0022002720963674>
- Newbury D. Irredentist Rwanda: Ethnic and Territorial Frontiers in Central Africa // *Africa Today*. 1997. Vol. 44, no. 2. P. 211–221.
- Ntanyoma R. D., Hintjens H. Expressive Violence and the Slow Genocide of the Banyamulenge of South Kivu // *Ethnicities*. 2022. Vol. 22, no. 3. P. 374–403. <https://doi.org/10.1177/14687968211009895>
- Pottier J. Everybody Needs Good Neighbours: Understanding the Conflict(s) in Eastern DRC // *Cadernos de Estudos Africanos*. 2002. No. 2. P. 141–166. <https://doi.org/10.4000/cea.1318>
- Prunier G. *Africa's World War: Congo, the Rwandan Genocide, and the Making of a Continental Catastrophe*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Reyntjens F. *The Great African War: Congo and Regional Geopolitics, 1996–2006*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511596698>
- Saltnes J. D. Norm Collision in the European Union's External Policies: The Case of European Union Sanctions Towards Rwanda // *Cooperation and Conflict*. 2017. Vol. 52, no. 4. P. 553–570. <https://doi.org/10.1177/0010836717710528>
- Schütte P., Näher U. Tantalum Supply from Artisanal and Small-Scale Mining: A Mineral Economic Evaluation of Coltan Production and Trade Dynamics in Africa's Great Lakes Region // *Resources Policy*. 2020. Vol. 69. P. 101896. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101896>
- Stearns J. *From CNDP to "M23": The Evolution of an Armed Movement in Eastern Congo*. London: The Rift Valley Institute, 2012.
- Wako E., Elliott L., de Jesus E., Zott M. E., Swahn M. H., et al. Conflict, Displacement, and IPV: Findings from Two Congolese Refugee Camps in Rwanda // *Violence Against Women*. 2015. Vol. 21, no. 9. P. 1087–1101. <https://doi.org/10.1177/1077801215590669>

Сведения об авторах:

Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 3806-0961; ORCID: 0000-0002-9052-4363; e-mail: bokeria-sa@rudn.ru

Махана Манаса — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0009-0008-6191-1234; e-mail: 1042238084@pfur.ru

Киамба Анита — доктор наук (PhD), старший преподаватель факультета дипломатии и международных исследований, Университет Найроби; ORCID: 0009-0008-3474-3861; e-mail: akiamba@uonbi.ac.ke